

УДК 811.163.1

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНКРЕТНЫХ СУБСТАНТИВОВ В РУКОПИСНОМ СЛАВЯНСКОМ ПРОЛОГЕ XVI в.

© 2013 г.

А.Д. Большаков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

barsikapfff-2@mail.ru

Поступила в редакцию 10.12.2013

Анализируется качественно-количественная репрезентативность субстантивов с конкретным значением в агиографических и дидактических чтениях Пролога.

Ключевые слова: церковнославянский язык, лексико-тематические группы, Пролог.

Исследование посвящено сравнительному анализу субстантивов с конкретным значением с точки зрения их качественно-количественной репрезентативности в агиографической и дидактической частях рукописного славянского Пролога XVI в. (ФБ ННГУ, № 933757). «Пролог был переведен в Киевской Руси как необходимое пособие при богослужении, но уже в домонгольское время пополнился множеством помещенных в него с назидательной целью рассказов и поучений, благодаря чему превратился в своеобразную православную энциклопедию. В Древней Руси Пролог пользовался широкой популярностью и сделался со временем любимой книгой для чтения» [1].

На первоначальном этапе все чтения Пролога, в соответствии с его структурой [ib.], были разделены в зависимости от смысловой нагрузки: повествование (55 чтений) и назидание (32 чтения), после чего из этих чтений методом сплошной выборки был извлечен интересующий нас пласт лексики, т.е. имена существительные с конкретным значением. Здесь же отметим, что количество словоупотреблений их приблизительно равно, что свидетельствует о лексико-тематическом изоморфизме житийных и поучительных чтений в рамках Пролога. Далее из общего массива слов было выделено 45 лексико-тематических групп [далее: ЛТГ – А.Б.] с глубиной уровневого членения 8. Дифференциация проводилась, в основном, по денотативному принципу, который предполагает «онтологическое расчленение предметов, признаков, свойств, действий, процессов, событий и состояний, отраженное в структуре языка» [2, с. 39–40]. Принцип этот сопряжен также и с правилами формальной логики, однако есть существенное, проистекающее из философских позиций, отступление от них. Оно касается са-

мой первой оппозиции – ‘Человек’ VS ‘Мир’. Каким бы ни было наше отношение к религии, мы обязаны помнить, что исследуемый текст выпестован восточным постхалкидонским православием, и, соответственно, следовало бы считаться с тем, что, с точки зрения христианской антропологии, человек не есть от мира сего [3, с. 465 – 466], «ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Рим. 8:19-21).

Из 45 ЛТГ полностью по лексической репрезентации совпадают всего лишь 5: ‘Объемы’, ‘Финальные характеристики’ и ‘Энтонимы’ – по одному слову, ‘Отношения неприятия’ – 2 и ‘Метео-астрономические реалии’ – 3 слова. Остальные же 40 групп колеблются в коэффициенте различия от 1 до 18. Сравнив превалирование лексики в дидактике и агиографии, мы считали *min* существенное различие для каждой из частей Пролога и выявили такие ЛТГ дидактической и агиографической частей, в которых репрезентативная разница является существенной, показательной. Однако прежде, чем представить их, мы приведем те ЛТГ, которые не представлены ни одной лексемой в той или иной части Пролога. Таковыми являются:

- 1) в агиографии – акустические, номинативные, квантитативные характеристики, конструктивные характеристики предметов, фитонимы (и злаки, и ягоды), а также предметы сакральной архитектуры и интерьера;
- 2) в дидактике – локационные характеристики, орнитонимы и названия гадов.

К этим группам мы вернемся после того, как обратим внимание на те ЛТГ, которые представлены в обеих частях Пролога, но в своей

репрезентативности имеют существенные различия: 6 показательных ЛТГ дидактической части Пролога против 14 ЛТГ части агиографической (т.е. первых в 2,(3) раза меньше, чем вторых), из которых 3 и 8 являются соответственно (3 группы – в дидактической части и 8 – в агиографической) уникальными, т.е. представленными только в этой части Пролога.

В агиографической части больше представлена конкретная лексика, описывающая в самых разнообразных красках земную жизнь святого. Ее можно объединить в следующие макрогруппы.

1. Лексика, характеризующая место действия, причем характеризующая в самом широком смысле. Это частые обращения к происхождению того или иного персонажа (группа *‘Этно-религиозная принадлежность’*: *агаранинъ, варваръ, жидъ, персаминъ*). Также это и описание конкретного географического места действия: *тѣ бѣ при дивклитѣи царя и асѣи гѣмоне ѿ града* (л. 554об), *святѣи андрѣи бѣ воевода съ восточнѣи странѣ* (л. 535об). Есть лексика, описывающая непосредственно *бытовые условия* подвига святого: *вставнѣи монастырь в пещерѣ нѣкъю вниде* (л. 551), *взыде на горѣ высокоу помолитиса* (л. 53). К ней же примыкают и такие ЛТГ, как *‘Утварь’* и *‘Архитектура и интерьер’*.

2. Лексика, характеризующая социальную ситуацию, окружавшую святого. Это слова, обозначающие самого человека с точки зрения его социальных функций:

1) *субординационные отношения*: *стратоникъ же и кондратъ и акакин слоуги быста* (л. 532об), *лоукѣи бѣ первѣи свѣтъникъ града и стольникъ гѣмоноу* (л. 542об.);

2) *профессия*: *ѿлоръ и лавръ бѣвста мраморника хитростѣю* (л. 533об), *живши же съ оулирѣемъ жерцемъ идольскимъ и предста антоупатоу викарѣю съ дѣтми своими* (л. 542);

3) *межличностные отношения*: и познавши ближники и сосѣдѣи и вжегше свѣтильники (л. 12), *такъ по христѣ пострадавшѣ на сѣдищи и повѣдивше врага* (л. 532).

3. Мартирологическая, т.е. описывающая обстоятельства мученичества, лексика. В первую очередь, это, разумеется, наименования *‘Оружия и орудий пыток и казни’*: и на дрѣвѣи исѣченъ бысть по тѣлау мечи и по семъ подпаленъ бысть свѣщами (л. 554об), и воспевши на мѣчителѣ гата быста и та и повѣшена бывши и строгана и в котель вращъ ввержена быста и на одрѣ железни распростерта быста и по ладвямъ быста

свыше и по семъ ввержена быста в темницу (л. 532об). Последняя цитата закономерно переводит нас к другой части рассматриваемой нами лексики – это *‘Соматонимы’*: упоминание агиографом конкретных частей тела, органов *etc.* служит большей выразительности, дополнительно усиливает впечатление мѣки и способствует полнейшему осознанию подвига святого, будь то мученик или исповедник: *и по семъ кожу его с выа содраша и до персии* (л. 542), *и съдраша емоу три ремени ѿ главѣи и до ногѣи и по семъ пещи распленѣи велицѣи и вси роуками и ногами оуѣчени и ввержена быша в ню и тако скончашася* (л. 538об).

В дидактической части будет целесообразнее пойти от обратного: указать не то, что в дидактических чтениях наличествует, а обратить внимание на то, что в ней отсутствует, а отсутствуют, практически, в ней *‘Формальные характеристики предметов’*, такие как: акустические, количественные, номинативные и конструктивные. При этом дидактические чтения чаще обращаются к *‘Абсолютным характеристикам человека’*, в частности – *‘Амртиологии’* и *‘Гендерно-возрастным характеристикам’*. Первое вполне понятно без прочих комментариев. Если агиография сосредоточена на личности святого, т.е. ее дидактический посыл сосредоточен на позитиве, на утверждении святости, то дидактическая часть в качестве воспитательного метода избирает наставление *in contrarium*: центром назидания часто становится негативное изображение порока, от которого, таким образом, отвращается пестуемый. Частным средством подобного воздействия является употребление лексем групп *‘Орнитонимы’* и *‘Гады’*, отсутствующих, кстати, в агиографической части. Но здесь эти лексемы не используются в своем номинативном значении – им присуща метафорическая семантика: *око насмѣхающеся ѿцю и оукарающе старость матерню да исклюють вранове искорене изъеденъ боудеть орлы* (л. 558об); *идѣже рѣка угненам и червь неоусыпающъ* (546об); *ї моужъ на трапезѣ сѣда и поманоувъ первѣю женѣ воздохнетъ и на вторѣю възрѣвъ поплачетъ си же разгнѣвавшиса тако звѣрь воскочитъ и воспеть тако змѣа* (л. 5).

Следующий немаловажный аспект – это отсутствие детализации. Сами дидактические чтения, каждое из которых можно предварить апракосным *во время оно*, заинтересованы в том, чтобы каждый читающий ассоциировал содержание того или иного поучения с самим собой. Следовательно, описываемые герои

должны быть максимально обезличены в том смысле, чтобы их индивидуальность можно было совместить с любой другой индивидуальностью. Это достигается за счет использования «общих» наименований. Так, например, вместо *имярек бе мних* (ср.: л. 551об) агиографической части в части дидактической мы встретим **нѣкто мнихъ** (л. 3), **прїиде нѣкїи мнихъ** (л. 12). То же касается и употреблений терминов родства или гендерно-возрастных характеристик. Весьма показательным является тот факт, что слово *братъ* из 46 раз употреблено в дидактической части в основном своем значении (как обозначение определенной степени родства) всего лишь один раз: **ω семъ бо ѡковъ вожи братъ оучитъ ны** (л. 539об), т.е. «имена» персонажей являются своеобразными универсальными дейксисами, которые стремятся стать максимально всеобъемлющими.

Итак, агиографическая часть содержит больше, скажем так, «детализирующей» конкретной лексики: описание быта, характеристики окружения, информацию о месте жизни и, наконец, обстоятельствах смерти (как правило, мученической) святого. Дидактическая часть, наоборот, как бы парадоксально это ни звучало, оперирует «обобщающими» конкретными субстантивами: из обычной, хотя порой и вымышленной, но всегда, тем не менее, возможной ситуации создается именно притча. Создается за счет «терминологизации» оценочных слов (грешник / праведник, помощник / противник, друг / враг *etc.*). Весьма интересно, что не соответствующие, но соотносимые ЛТГ – ‘*Фитонимы*’ (в агиографической части) и ‘*Зоонимы*’ (в дидактической части) – наполнены диаметрально противоположными по характеру употребления лексемами: если в житии фитоним или зооним обозначает, соответственно, реально существующее растение или животное, т.е. употребляется в прямом значении (**и тѣло его повергоша на снѣденїе псомъ и звѣремъ**, л. 554об), то в поучении правилом употребления становится переносный смысл или же сравнительный оборот (**оубоитеса бога то не аки оумирающаго звѣри ли плъзающаго гада богъ во естъ свѣтъ и животъ**, л. 548), и такое соотношение прослеживается решительно до единого слова (кроме **вѣкши** (л. 9об), запрещенной в кельях, и **лва** (л. 537), усмиренного Даниилом).

Если помнить о предназначении Пролога, особенно в позднейшую пору его существования, то деление на агиографическую и дидактическую части представляется не совсем корректным, ибо и жития несут в себе поучительный посыл. Мы ни в коем случае не предлагаем менять терминологию, однако стоит указать и на такое обстоятельство. Житие создается по образцу Евангелия, которое не изобилует подробностями (если не брать в расчет апокрифы). Все первообразы содержатся именно там (чудесное рождение, необычное поведение в младенчестве и пубертате, подвиги зрелости и, как правило, мученическая смерть). Однако житие создается не ради памяти и информации, но ради научения. Читатель в жизни святого должен видеть мерило праведности и стимул к ней, поэтому и жизнь святого не должна отстоять от жизни обычных людей, одна не должна быть нарочито схематичной, обезличенной. Для того и вводится описание быта святого, и здесь конкретная лексика служит орудием (разумеется, не единственным) превращения жития в биографию (равно как и в дидактической части событие, посредством лексики абстрактной или конкретной-оценочной перерастает в притчу).

Святой – это *земный ангел и небесный человек*. И, помимо внимания к его подвигам как к доказательству «небесности», важно доказать и его «земность». Т.о., агиографическая часть конкретными субстантивами обращается чаще к месту и его детализации, притом рассматривая человека как субъекта отношений. Дидактическая же часть – ко времени и к человеку «изнутри», т.е. именно как к личности в ее самодостаточности, что выражается в общих определениях (в основном, возраста) и гораздо более частом обращении к амартиологии. Т.е. конкретными субстантивами агиография описывает отношения человека и человека, а дидактика, ими же, – человека и Бога.

Список литературы

1. Фет Е.А. Пролог // Словарь книжников и книжности Древней Руси (по материалам сайта ИРЛИ РАН <http://www.pushkinskiydom.ru>).
2. Васильев Л.М. Семантика русского глагола: Учеб. пособие для слушателей фак. повышения квалификации. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
3. Кант И. Собрание сочинений в 6-ти тт. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. 544 с.

**SOME PECULIARITY OF FUNCTIONING OF CONCRETE SUBSTANTIVES
IN HAND-WRITTEN SLAVONIC PROLOG 16TH CENT.**

A.D. Bolshakov

The qualitative and quantitative representativeness of substantives with a specific meaning in hagiographical and didactic readings of Prologue is analysed.

Keywords: Old Church Slavonic language, lexical-thematic groups, Prologue.